Балканы были и будут оставаться «пороховым погребом Европы». Елена Пономарева

Балканы были и будут оставаться «пороховым погребом Европы»

проф. д.п.н. Елена Пономарева

Интервю на сайте РАПН (Российская ассоциация политической науки)

7 октября 2015 г.

На вопросы отвечает проф., д.п.н., проф. каф. Сравнительной Политологии МГИМО, Президент Международного института развития научного сотрудничества (МИРНАС) Е.Г. Пономарева

Существует известное выражение, согласно которому Балканы в начале 20-го века представляли собой «пороховой погреб Европы». Какова социально-экономическая ситуация в регионе на сегодняшний день и являются ли они «пороховым погребом Европы» сегодня?

Балканы были и будут оставаться «пороховым погребом Европы» в силу целого комплекса причин. Потенциальная конфликтность региона, с одной стороны, определена чересполосным проживанием народов с разными историческими судьбами, с разными культурными и религиозными ценностями, объединенными, в сущности, одной общей судьбой, имя которой «балканизация». События последнего двадцатилетия и прежде всего последствия разрушения социалистической Югославии показывают, что рок «балканизации» как перманентной «войны всех против всех» преследует регион и в XXI веке.

С другой стороны, Балканский полуостров на протяжении веков был и остается ареной борьбы великих держав. Внешний фактор является определяющим в развитии региона. В свое время мудрый и жесткий политик Отто фон Бисмарк (1815-1898) провидчески заметил, «если в Европе начнется война, то из-за какой-нибудь глупости на Балканах». В новых исторических условиях Балканский полуостров – это зона продолжающего конфликта мировых центров силы, зона столкновения интересов ведущих игроков современности, среди которых сегодня не только и даже не столько государства, сколько наднациональные структуры. Среди них существенную роль играют такие организации, как ЕС, НАТО, МВФ, ведущие транснациональные компании. Столкновение интересов этих игроков определено следующим.

Во-первых, Балканы являются уникальной для Европы природной кладовой ресурсов, практически, всех видов, которые можно «приватизировать» про запас. Во-вторых, этот регион – удобный плацдарм для размещения военных баз НАТО в геополитических целях, например, для контроля Малой Азии и сдерживания непредсказуемого постсоветского пространства.

В-третьих, Балканы – срединная зона энерготрафика. Берусь утверждать, что тот, кто будет контролировать Балканы, будет управлять не только энергетическими потоками, но и определять политику зависимых от энергоресурсов стран. Ситуация вокруг «Южного» и «Турецкого» потоков убедительно доказала данный тезис.

В-четвертых, Балканский регион за последние 20 лет стал важнейшей транзитной зоной криминальных и террористических «услуг», если вообще такое сравнение применимо к движению наркотиков, нелегальной торговле оружием, человеческими органами и передвижением т.н. «псов войны», которые активно участвуют в различных видах террористической деятельности. В данном случае речь, прежде всего, идет о ситуации в Косово и вокруг него. В последние месяцы эта проблема актуализировалась в связи с огромными потоками беженцев, среди которых присутствуют не только криминальные элементы, но и радикальные исламисты.

И наконец, в-пятых, Балканы следует рассматривать как последний европейский рубеж противостояния интегрального Запада и России. Утрата Россией позиций и влияния в этом регионе, означает окончательное «выдавливание» ее из Европы, лишение е реальных и потенциальных союзников.

Таким образом, дестабилизация Балкан, подсушивание «балканского пороха» может быть выгодны

целому ряду мирополитических игроков. Одним из способов контроля над пространствами является ограничение, «размывание» суверенитета балканских стран (посредством включения в разного рода наднациональные структуры) и ослабление экономики. В результате неолиберальных реформ, а в случае бывшей Югославии – военных конфликтов и военной интервенции во всех балканских странах сегодня очень сложная социально-экономическая ситуация. В некоторых (например, в Болгарии, Боснии и Герцеговине, Греции, Македонии, Сербии, в непризнанном Косово) просто катастрофическая. На хорватской границе размещены плакаты: «Дорогие беженцы! Добро пожаловать в Хорватию! Нет денег, нет работы. Следуйте в Словакию». Под этим плакатом могут подписаться все балканские страны.

На Ваш вопрос о социально-экономическом положении лучше всего ответят цифры, хотя далеко не все можно посчитать. Тем не менее, по Индексу человеческого развития Албания занимает 70 место в мире; Болгария – 57; Босния и Герцеговина – 81; Македония – 78; Румыния – 56; Сербия – 64; Хорватия – 47; Черногория – 51. По частично признанной Республике Косово этот показатель даже не просчитан. Достаточно сказать, что она занимает второе место в мире по уровню безработицы: более 55 % трудоспособного населения не имеет возможности работать.

Не намного лучше с безработицей обстоят дела и в других странах. Ее уровень в Албании достигает 18 %; в Болгарии – 12%; в Сербии и Хорватии этот показатель колеблется вокруг 20 %; в Македонии – почти 30%, а в Боснии и Герцеговине – почти 45%. И это официальные данные, реальность намного страшнее. Так, за чертой бедности даже в Хорватии проживает более 20 %, а в Македонии – это более 30 %. Я уже не говорю про государственный долг, который в зависимости от страны колеблется от 25 4 (Болгария) и до 78 % (Хорватия). Не только на основании цифр, но и по своим личным наблюдениям и контактам могу сказать, что балканские страны сегодня не просто депрессивные, они переживают архаизацию. В таких условиях, когда многим терять уже нечего, чтобы поджечь этот погреб в случае большой политической игры нужна будет лишь одна искорка.

На сегодняшний день в Европе существует ряд регионов, которые схожи с Балканами в плане социально-экономической обстановки, однако именно Балканы вовлечены в текущий миграционный кризис. Чем, на Ваш взгляд, можно объяснить данное обстоятельство?

Балканы не просто вовлечены в текущий миграционный кризис, а являются одной из точек бифуркации развития современной Европы – отсюда может начаться новый виток варваризации Старого Света. Уверена, что бурный поток выходцев из Северной Африки и с Ближнего Востока, захлестнувший в последние недели Европу, явление не случайное, а хорошо подготовленный и организованный процесс. Хотя, главной причиной таких масштабных перемещений людей являются организованные и осуществленные европейской «элитой» (правда, под чутким руководством США) войны и вооруженные конфликты.

Почему же это организованный процесс? В Европе еще нынешней весной было, по разным оценкам, от 150 до 200 тысяч мигрантов с Ближнего Востока, Северной и даже Центральной Африки. До 2015 г. главным маршрутом для них был итальянский. С начала этого года началась обкатка балканского маршрута – я сама сидела в начале лета, как по улицам Белграда передвигались маленькими группами молодые люди спортивного телосложения, не говорившие по-сербски. По данным сербских спецслужб, два-три дня они находились в Сербии, потом уезжали, но их место занимали новые мигранты. Думаю, они отрабатывали маршрут, проводили своего рода разведку на местности. Тогда на проблему мигрантов особого внимания не обращали ни в Брюсселе, нив национальных государствах И вот в конце лета балканский маршрут заработал в полную силу – беженцы переправляются через море в Грецию; оттуда через Македонию, Сербию, Хорватию и т.п. добираются до Венгрии. Но конечной точкой их «путешествия» являются богатые страны Центральной и Северной Европы. Прежде всего, Германия и Великобритания.

По самым оптимистичным оценкам поток мигрантов превысил 500 тысяч. А до конца года, по прогнозу ООН, достигнет миллиона. По пессимистичным – в ближайшие годы в Европу могут переселиться до 35 млн мусульман. Войны войнами, но кто же направляет этот поток. Почему он идет именно в Европу, а не в богатые мусульманские страны, например?

Так вот, российский ученый Владимир Шалак, работающий в Институте философии РАН, разработал уникальную аналитическую программу, которая позволяет приоткрыть завесу тайны над миграционными потоками в Европу. Шалак выяснил, что в августе в разы выросло количество сообщений в Твиттере, что Европа открывает ворота под лозунгом «Welcome, refugees» («Добро пожаловать, беженцы!»). В половине твитов с этим лозунгом в качестве приглашающей страны шла Германия, более чем в 10% - Венгрия, где сосредоточена ныне значительная масса вынужденных мигрантов. Все остальные страны упомянуты в разы меньше. Таким образом, поток в Европу сознательно направляется, и поэтому мигранты не стремятся в богатые мусульманские

страны. Упомянутый В. Шалак выяснил, что максимальное количество твитов с лозунгом «Беженцы! Добро пожаловать в Германию» разместили граждане США и Великобритании. Кстати, такая же картина наблюдалась и в начале украинского кризиса.

Иными словами, несчастных кто-то сознательно отправляет в Германию, рассказывая, что там их очень ждут. Логистика миграционных потоков на самом высоком уровне – беженцы отлично знают маршруты, перевалочные пункты, транспортную инфраструктуру на пути в Германию. Более того, они даже знают, как надо вести себя с полицейскими и что следует говорить журналистам.

Сегодня всем хорошо известно, что социальные сети широко использовались для «цветных революций» на Ближнем Востоке, которых даже называют «твиттерными». Теперь есть неопровержимые доказательства, что именно социальные сети и разного рода мобильные приложения используются и для активизации потока беженцев, значительную часть которых составляют молодые мужчины в возрасте до 35 лет, имеющие современные мобильные устройства. В очередной раз в новейшей истории соцсети и особенно Твиттер становятся мощнейшим инструментом социальной инженерии и геополитики. В современно высокотехнологичном мире они позволяют получать результаты эффективнее, чем пушки и автоматы.

Что же бежит из арабских стран? Основная часть беженцев идет из Сирии, где пятый год бушует война, развязанная США и странами НАТО и ведущаяся руками исламских фундаменталистов. Свою лепту в эту войну вносят Турция, Саудовская Аравия, Катар.

Из распадающейся Сирии, в которой проживал 21 млн человек, бежал к настоящему времени примерно каждый четвертый ее житель, или около 5 млн. Подавляющая часть из них сейчас находится в лагерях, построенных на деньги ЕС, аравийских монархий и ООН в Турции, Ливане, Иордании и Ираке. В этом году часть беженцев, в первую очередь, опять же, молодые мужчины, из лагерей стали ехать в Европу. Плюс, со второй половины года в Европу побежали сирийские христиане, алавиты и другие национальные и религиозные меньшинства, поддерживающие Башара Асада. При этом, сирийское законное правительство было и остается единственной властью, стоящей на пути «Исламского государства» и его союзников, которых активно вооружают и поддерживают США и Турция. Фанатики-исламисты и борцы с режимом Асада планируют физическое уничтожение алавитов, христиан и других меньшинств. И это не преувеличение. Очевидно, что в таких условиях люди пытаются спастись любой ценой.

Но вернемся к плановости процесса миграции. По европейскому законодательству человек, даже не получивший статус беженца, а лишь запросивший его, на период рассмотрения своего дела имеет право легально жить, учиться, работать в Европе, получать пособие. Ему гарантировано бесплатное проживание до тех пор, пока заявление не будет рассмотрено в службах миграции и беженцев. Исходя из европейских стандартов расходов на беженцев, можно посчитать примерную цену нынешней волны. Она, конечно, велика и составляет миллиарды евро. Но все-таки не десятки, и тем более не сотни, которые могли бы разорить Европу. Но если такая нагрузка будет увеличиваться в течение длительного времени, то очевидно ухудшение положения граждан ЕС, за счет того, что придется делить бюджет и на мигрантов.

Помимо официальных, открытых экономических издержек, такая масштабная миграция несет иные риски, связанные с увеличением наркотрафика и торговлей оружием. Не исключаю также новый всплеск нелегальной торговли человеческими органами и иных видов криминальной деятельности.

В итоге Европу и Балканы в том числе ожидает, мягко говоря, тревожное будущее. Исламизация, радикализация и дестабилизация европейского социального и политического пространства при таком потоке беженцев неизбежны. Сегодня в Европу едут не только квалифицированных специалистов, но и представителей т.н. «группы риска», которые могут быть включены в различные террористические и экстремистские структуры. В свое время, А. Тойнби писал: самое страшное время для Европы настанет тогда, когда внутренний пролетариат соединится с внешним. Похоже, что это «страшное время» наступает. Только сегодня речь идет не о пролетариате, а о внутреннем слое недовольных положением в Европейском союзе и в своих странах (безработные, находящиеся за чертой бедности) и внешнем – о мигрантах. Радикальные элементы, которые попадают с миграционными потоками в Европу, легко и быстро могут найти своих сторонников среди радикально настроенной молодежи любой европейской страны. Таким образом, будет происходить создание гремучей смеси – возникновение банд радикалов, которым не чего терять. Это с одной стороны. С другой – я не исключаю возможности активной борьбы за создание чего-то подобного «Исламскому государству» в Европе. К тому же стартовая площадка уже есть на Балканах – «государство-бандит» Косово.

Таким образом, проблем для Балкан с каждым годом не становится меньше. Наоборот, они растут как снежный ком. В связи с этим хочу сказать, что отечественные исследователи в течение многих лет писали о подобных рисках и вызовах. Но политики были глухи к нашим прогнозам. Возможно,

в новых исторических условиях связь науки и политической практики станет реальной и будет приносить реальные плоды в виде безопасности и успешного развития.

Можно ли, на Ваш взгляд, описать образ среднестатистического мигранта из региона? Кто тот человек, который покидает Балканы с целью проживания в другой европейской стране?

Среднестатистического мигранта из региона описать довольно сложно – на Балканах сегодня существуют несколько категорий стран, различающиеся по уровню экономического и политического развития; по социальным, культурным и религиозным основаниям; по внутренней состоятельности и внешней статусности. Так, относительно благополучная христианская Хорватия, являющаяся членом НАТО и ЕС соседствует с бедной, если не сказать нищей, Боснией и Герцеговиной, представляющей аморфное конфедеративное образование, состоящее из двух единиц, в основе которых лежит этно-религиозный принцип. К тому же эта стана находится под международным протекторатом – главным политическим институтом здесь является Высокий представитель. В тоже время даже преддефолтную Грецию, также члена ЕС и НАТО, по уровню социально-экономического развития нельзя сравнить ни с Сербией, ни с Черногорией, ни с бывшей югославской республикой Македонией. Я уже не говорю о совершенно особом месте, которое занимает не только в регионе, но и в мировой политике частично признанная Республика Косово. Этому вопросу посвящена моя монография – «Проект «Косово»: мафия, НАТО и большая политика», вышедшая в 2013 году. Иными словами, Балканы очень разные. Тем не менее, отвечая на Ваш вопрос, можно выделить несколько региональных миграционных категорий. Во-первых, это квалифицированные специалисты (врачи, инженеры, юристы). Но в настоящий момент это немногочисленная группа – основной поток таких мигрантов приходился на 1990-е годы. Во-вторых, молодежь, преимущественно студенты, которые едут на Запад учиться, часто с единственной целью – остаться там. Кстати, Великобритания, Германия и США охотнее всего предоставляют вид на жительство именно этой категории. Молодежь дает региональной миграции самый большой процент – в зависимости от страны от 40 до 80 %. Третья категория – представители рабочих специальностей, как правило, строители разных профилей. В этом сегменте развита сезонная миграция. Например, в процессе строительства объектов к Олимпиаде в Сочи сербские строители прилетали туда целыми самолетами. Ну, и четвертая группа – это криминальные и радикальные элементы. В своем подавляющем большинстве эта группа представлена выходцами из Косова. Албанская мафия (органическую часть которой составляет косовский сегмент и албанцы, проживающие в Македонии и на юге Сербии) представляет сегодня одну из мощнейших и прекрасно организованных криминальных структур. Одним из основных видов ее деятельности является наркотрафик. Хотя, конечно, следует оговориться, что как среди албанцев есть добропорядочные граждане, так и в любой балканской стране есть свой криминал, который представлен в миграционных потоках.

Таким образом, миграция из региона многоуровневая, но главной ее причиной все зависимости от страны является стремление к лучшей жизни, комфорту и безопасности.

На сегодняшний день Сербия проводит внешнеполитический курс, который можно назвать балансированием между Россией и ЕС; страна предпочитает поддерживать партнерские отношения и с Россией, и с ЕС. Удастся ли, на Ваш взгляд, Сербии и в дальнейшем поддерживать этот курс, либо стране придется сделать выбор относительно приоритетного стратегического партнера?

Зная ситуацию изнутри, я бы определила внешнюю политику современной Сербии не просто как разновекторную, но как политическую эквилибристику. Дело в том, что балансировать могла социалистическая Югославия: будучи суверенным, самодостаточным, экономически развитым и сильным в военном смысле (югославская армия была одной из самых боеспособных в Европе) государством, она вела свою игру в мировой политике, потому что нужна была и Западу, и Советскому Союзу.

Современная Сербия не обладает ни одним из перечисленных факторов, определяющих субъектость. Это экономически разоренная страна, возглавляемая психоисторически сломленным политическим руководством, которое заботится не о национальных интересах, а о временных выгодах. Если Вы читали «Академию» (Foundation) Айзека Азимова, Вы понимаете, что я имею в виду. В то же время сербы, вне зависимости от того, где они проживают, – это единственный, без преувеличения, в своем подавляющем большинстве русофильский народ. Например, искреннюю, со слезами на глазах радость от воссоединения Крыма с Россией вместе с нами переживали только сербы. Это о многом говорит.

Так вот, политическое руководство страны, ангажированное по целому ряду причин западными структурами, стремится выполнить все мыслимые и немыслимые условия для вступления в такое проблемное (особенно на фоне миграционного кризиса) наднациональное образование, как ЕС. Для этого от официального Белграда требуют невыполнимого: признать независимость Косова и присоединиться к европейской политики в отношении России. Прежде всего, речь идет о

санкциях.

Понимая, что подобные решения могут привести не только к политическому кризису, но и к социальным волнениям, правительство А. Вучича и занимается политической эквилибристикой. Сначала премьер едет в США и соглашается выполнить, по мере возможности, условия Вашингтона и Брюсселя. Кстати, одно из них касается проведения гей-парада, который в стране с доминирующей традиционной культурой проходит только при задействовании полиции и армии, защищающий представителей ЛГБТ от простых граждан. Но одно условие выполнено – уже хорошо. После Штатов Вучич едет в Москву и просит финансовой помощи, заверяя в исторической преданности России. Справедливости ради, нужно сказать, что в адрес нашей страны звучат не только красивые речи. Белград многое делает, начиная от неприсоединения к санкциям и заканчивая присутствием президента Т. Николича на Параде Победы 9 мая.

К тому же Россия никогда не придерживается, в отличие от наших западных партнеров, принципа «кто не с нами, тот против нас». На всех публичных площадках и в ходе переговоров российская сторона заявляет о суверенном выборе каждого, только сама страна может решать, в какую организацию вступать. Однако, делая выбор, политическое руководство должно четко понимать, что он приобретает, а что теряет. Условно, что выгоднее для Сербии – вступление в ЕС или тесное сотрудничество с ЕАЭС – должна решать сама Сербия. Но это лишь одна сторона медали. С другой стороны стоят интересы ЕС и их главного союзника США. А как показывает исторический опыт, все члены ЕС из стран бывшего соцлагеря сначала получали членство в НАТО. Уверена, что «европейское будущее» Сербии зависит именно от членства в НАТО, а это совсем другой вопрос. Поэтому, в ближайшее время, думаю, политическая эквилибристика Сербии не изменится: треугольник Вашингтон-Брюссель-Москва останется залогом статус-кво республики.

Каково, на Ваш взгляд, текущее состояние отечественной Балканистики? Какие существуют перспективные исследования и проекты в этом направлении?

Отечественная балканистика до сих пор, несмотря на разор науки в 1990-е годы и продолжающуюся реформу Академии наук, по праву может считается одной из самых авторитетных в мире. Такое положение вещей имеет место, прежде всего, благодаря преданности своему делу и энтузиазму российских ученых.

Единственным в России научным учреждением, занимающимся комплексным изучением истории, культуры, литературы и языков зарубежных славянских и балканских народов является Институт славяноведения.

И хотя Институт был учрежден в конце 1946 г., а начал работать в январе 1947 г., возник он не с чистого листа. Традиции отечественного славяноведения были заложены более двух веков назад. Основные кадры балканистов дает кафедра южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова и факультет международных отношений МГИМО.

Но вернемся к Инславу. Показательно, что в названии Института, как в зеркале отражались изменения геополитических реалий. Так, с 1946 по 1968 г. он назывался Институт славяноведения; с 1968 по 1997 гг. – Институт славяноведения и балканистики. Фактический уход России с Балкан, утрата нашей страной влияния в этом регионе отразился и в названии института. Формально у нас теперь нет балканистики; осталось одно славяноведение.

Однако, благодаря директору Инслава К.В. Никифорову, в институте осуществляются комплексные региональные исследования, ведется большая издательская деятельность. Из последних фундаментальных работ назову «Югославия в XX веке. Очерки политической истории», «Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI века»; «Между Москвой и Брюсселем».

Основными направлениями научно-исследовательской деятельности в рамках Инслава остаются традиционно историко-культурные и этнические процессы; история славистики; русская культура в восприятии славянского мира и восприятие в России славянских культур; сравнительно-историческое изучение древних и современных славянских, балканских и балтийских языков и диалектов; этнолингвистика. Что же касается приоритетных направлений исследований сегодня, то это анализ причин и последствий кризисов, межнациональных войн и военных конфликтов (прежде всего, на пространстве бывшей Югославии), а также изучение вписанности Балках в мировую политику. Собственно этими вопросами занимаюсь и я, рассматривая Балканы как геополитическое зеркало, посмотрев внимательно в которое, можно увидеть сценарии развития других регионов. Например, технологии политических переворотов современности, называемых «цветными революциями», впервые были апробированы в Югославии в 2000 году. И таких примеров много. Так что Балканы интересны не только своей историей, но и современными политическими реалиями.